

Научная статья

УДК 1 (091)

doi: 10.17223/1998863X/69/21

«РАЗГОВОР ЧЕЛОВЕЧЕСТВА» РИЧАРДА РОРТИ: ПЕРЕОПИСАНИЕ ФИЛОСОФИИ И НЕКОТОРЫЕ КОНТЕКСТЫ

Кирилл Александрович Родин

Институт философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия, rodin.kir@gmail.com

Аннотация. Статья продолжает инициированное книгой О.И. Целищевой «Ричард Рорти: маргинальный аналитический философ» и статьей-рецензией на книгу С.А. Смирнова обсуждение понимания Ричардом Рорти предмета и задач философии. Существенное внимание отводится предложенному Рорти переописанию философии как «разговора человечества». Предлагаются различные возможные контексты понимания метафоры «разговор человечества» с опорой на работу Рорти «Случайность, история и солидарность». В частности затрагиваются вероятные для политической теории следствия из переописания философии как «разговора человечества» и своеобразное понимание Рорти либерального проекта.

Ключевые слова: Рорти, разговор человечества, метафора, контингентность, метафизика, либерализм, солидарность, частное и публичное

Благодарности: работа выполнена при поддержке Российского научного фонда. Проект № 18-78-10082П.

Для цитирования: Родин К.А. «Разговор человечества» Ричарда Рорти: переописание философии и некоторые контексты // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 69. С. 212–220. doi: 10.17223/1998863X/69/21

Original article

RICHARD RORTY ON THE CONVERSATION OF HUMANKIND: REWRITING OF PHILOSOPHY AND MAJOR CONTEXTS

Kirill A. Rodin

*Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russian Federation, rodin.kir@gmail.com*

Abstract. The book *Richard Rorty: A 'fringe analytic philosopher'* by Oxana Tselishcheva and the article reviewing this book by Sergey Smirnov propose a discussion of Richard Rorty's understanding of the subject and tasks of philosophy. This article continues the discussion. The author pays significant attention to Rorty's re-description of philosophy as the "conversation of humankind" and proposes various possible contexts for understanding the metaphor "conversation of humankind" based on Rorty's *Contingency, Irony, and Solidarity*. Also, the author touches upon the possible consequences for political theory from the re-description of philosophy as a "conversation of humankind" and from Rorty's peculiar understanding of the liberal project.

Keywords: Rorty, conversation of humanity, metaphor, contingency, metaphysics, liberalism, solidarity, private and public

Acknowledgments: The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 18-78-10082P.

For citation: Rodin, K.A. (2022) Richard Rorty on the conversation of humankind: Rewriting of philosophy and major contexts. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 69. pp. 212–220. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/69/21

Я с благодарностью принял приглашение участвовать в дискуссии по поводу выхода книги Оксаны Ивановны Целищевой «Ричард Рорти: маргинальный аналитический философ» [1]. Общим поводом к дискуссии обозначилась статья-рецензия на книгу Оксаны Ивановны Сергей Алевтиновича Смирнова [2]. В ответной краткой реплике я ограничился рассмотрением переопределения (или переописания) Рорти философии как «разговора человечества». В книге Оксаны Ивановны (по существу – полноценной интеллектуальной биографии Ричарда Рорти) в центре внимания находится история отношений Рорти с аналитической философией. Рассматривается и разносторонний интерес Рорти к маргинальным периферийным (в понимании Рорти) философам континентальной традиции. Метафора «разговор человечества» (известная по заключительным разделам третьей части книги Рорти «Философия и зеркало природы» [3]) упоминается несколько раз и в разных контекстах и вполне содержательно узнаваема почти для любого читателя книг и статей «маргинального аналитического философа». Однако обращение с метафорой в статье-рецензии Сергей Алевтиновича мне показалось странным. Поэтому в ответной реплике я бы хотел кратко обозначить возможные контексты для «разговора человечества» и в конце вернуться к предложенной дискуссии и к ответу на статью-рецензию. Я почти полностью ограничил рассмотрение метафоры «разговор человечества» книгой Оксаны Ивановны и книгой Ричарда Рорти «Случайность, ирония и солидарность» [4].

Решению отдельных философских проблем в рамках отдельного философского словаря Рорти предпочитает несводимое многообразие словарей. Традиционные философские проблемы-головоломки и дихотомии превращаются в исторически случайные примеры ограниченности принятого словаря (вместе с устоявшимся отношением к миру и человеку) и не требуют обязательного разрешения. Понятия сущности, природы, истины, реальности, универсальных оснований, априори, егo, внеисторических структур, человеческого разума оборачиваются не более чем закрепленными и необязательными метафорами западноевропейской метафизики или отдельных диалектов языка западноевропейской метафизики (диалектов Платона, Декарта, Канта, лингвистической философии или структурализма). Рорти видит союзников в маргинальных (по отношению к принятому философскому словарю) философях Киркегоре, Хайдеггере, Витгенштейне, Деррида. Прагматизм выступает дополнительным гарантом контингентности (исторической случайности) распространенных философских словарей. Провозглашение маргиналов от философии наиболее интересными и важными фигурами переопределяет философию и приводит к **постфилософии**: решение традиционных проблем-головоломок в любой форме и любыми средствами (пусть проблемы ставятся на протяжении тысячелетий) не может ограничивать поле философии. Задачей философии провозглашается поддержание некоего «разговора человечества».

Метафора «разговор человечества» никак не проще понятия сущности Аристотеля или онтологической разницы Хайдеггера. Попробуем обозначить содержание метафоры через параллели с другими темами Рорти.

Сперва обратимся к монографии О.И. Целищевой «Ричард Рорти: маргинальный аналитический философ». «Разговор человечества» фигурирует в книге в нескольких контекстах:

1. Философия **как реакция** на систематические поиски ответов на философские вопросы.

Неудовлетворенный традиционными философскими проблемами и традиционным философским поиском (в аналитической философии поиск превращается в аргументативную дисциплину), Рорти скептически относится к возможностям аргументации и «склоняется к большей важности... просто разговора» [1. С. 72] (далее ссылки на указанную работу О.И. Целищевой приводятся в круглых скобках только с указанием страницы). Обозначается движение Рорти к переопределению задач и понимания роли философии по сравнению с аналитической философской традицией.

2. Кибицирование. Оксана Ивановна замечает «гротескные формы» «разговора человечества».

Разговор человечества как кибицирование: «...свободный разговор после трудовых будней сельскохозяйственных работ в израильских сельских коммунах» (101).

3. Поэзия как источник разговора. Со ссылкой на Раймонда Гойса Оксана Ивановна приводит занятный факт. Внимание к разговору Рорти унаследовал отчасти от Гадамера и герменевтики. Отмечается внимание Рорти к важному для Гадамера поэту Гёльдерлину и цитируется гимн Гёльдерлина «Праздник друзей» (гимн содержит строчку «...с тех пор как мы стали разговором») (см. подробнее: 108 и далее). В «мы» и в «разговоре друзей» кроме разговора можно заметить и важную для Рорти солидарность. В поэзии и литературе (особенно в романе) Рорти видит куда большую в сравнении с чистой философией перспективу «разговора человечества».

4. Контингентность. Разговор носит принципиально контингентный характер. Рорти настаивает на контингентном характере философских исследований и контингентности философских проблем (127 и 145).

5. В описании философии как разговора человечества говорит и прагматизм Рорти: ведь «разговор» может считаться определенной формой действия...» (109). В разговор человечества вступает не только и преимущественно не философия. Отчасти поэтому философия (вслед за Дьюи) распространяется «на образование, эстетику и политическую культуру» (294).

Приведенные контексты не исчерпывают метафоры «разговора человечества».

Постараемся дать более развернутое описание на примере работы «Случайность, ирония и солидарность».

Рорти вводит и на протяжении книги поддерживает различие и несводимость частного и публичного. Частное характеризуется множеством индивидуальных стремлений к самосозиданию (созданию более-менее автономного словаря). Публичное же ставит вопрос желаемой общей жизни (включая справедливость) и солидарности. «...на уровне теории невозможно связать воедино самосозидание и справедливость. Словарь самосозидания приватен... не подходит для дискуссии. Словарь справедливости обязательно публичен» [4. С. 18–19] (далее ссылки на указанную работу Рорти приводятся в круглых скобках только с указанием страницы). Сохранение автономии част-

ной жизни и частного словаря самосозидания (в качестве примеров Рорти приводит «словари» романистов и маргинальных периферийных философов) возможно только через принятие несводимости частного к публичному. Напротив: обычно философия оставляет место частному лишь в пространстве общего (помещая людей под теоретическими схемами-конструкциями универсального человеческого разума или общевыгодного стремления к благу и справедливости). «...метафизические или теологические попытки объединить стремление к совершенству с чувством общности требуют... познания общей человеческой природы» (17). Рорти последовательно возражает против подобных конструкций. Пространство общности создается не открытием общей человеческой природы или изучением универсальных законов человеческого разума. «Солидарность достижима... через воображение, через мысленную способность видеть в чуждых нам людях товарищей по несчастью. Солидарность создается» (20). Рорти защищает не отдельную форму солидарности (основанную на каких-либо метафизических принципах) – но солидарность как историческую желаемую случайность. Вероятный конфликт частного и публичного разрешается пониманием либерализма как чуткого внимания и желания избежать страданий и унижения другого человека.

Итак. Рорти последовательно настаивает на несоизмеримости и равноценности «требований самосозидания и человеческой солидарности».

Невозможность разговора человечества вне признания равноправия частных словарей самосозидания и вне отказа от перспективы сведения частного к общему кажется интуитивно понятной. Признание несоизмеримости частного и публичного становится необходимым условием (исторически случайного) разговора. В противном случае разговор должен вытекать из каких-либо необходимых общих принципов и в итоге оказаться продиктованным (хотя бы в части поиска общего) универсально-метафизическими предпосылками вроде кантовского разума или платоновской идеи блага. Поэтому последовательная демонстрация Рорти несоизмеримости философских словарей и отсутствия единой универсальной почвы для многочисленных философских течений и исследовательских программ и манифестов (в каждом случае требуется серьезная интеллектуальная работа) включено в понимание философии как «разговора человечества». Именно философия должна подвергнуться такому радикальному переопределению: философия (не литература и не поэзия) всегда претендовала на открытие универсальных принципов мышления, научного познания или культурной коммуникации. Отсюда и грандиозный масштаб работы Ричарда Рорти.

При чтении разбираемой книги Рорти можно встретить довольно много близких и наводящих на метафору «разговора человечества» контекстов.

1. Претензия на аргументативный статус философской речи связана с представлением об обосновании и доказательстве универсальных положений (в частности, относительно человеческой природы). Рорти, напротив, показывает ключевую роль разнообразия: «...главным инструментом культурного изменения является скорее талант к разнообразной речи» (неспособность к аргументации). В пример приводятся политические утописты времен Французской революции. Утописты смогли «почувствовать»: проблема не в подавлении «неизменной, под-лежащей человеческой природы... «нестественными» или «иррациональными» социальными институтами». Новое

зарождающееся понимание реальности наталкивало на другое представление: «...изменение языков и других социальных практик может производить не существовавших до сих пор людей» (27). Исторически случайные способы говорения и описания имеют ценность в качестве пространств новых социальных, культурных, философских, политических изобретений и не сводятся к аргументации или обоснованию.

2. Предпочтение таланта к разнообразной речи аргументативному дискурсу приводит (или требует демонстрации) к признанию случайного характера существующих словарей и к признанию ключевой роли метафоры (не понятия). Метафора как одна из ключевых составляющих человеческого воображения позволяет создавать новые языки и может вести к созидательному «самопереописанию». «Взгляд на историю языка и, таким образом, на историю искусства, науки и нравственного чувства как на историю метафоры означает разрыв с представлением о человеческом сознании или с представлением о языках, которые все более и более приходят в соответствие с целями, предначертанными им Богом и Природой». Понятие претендует на универсальность. Метафора – случайна. «Наш язык и наша культура являются в той же степени случайностью, в какой является возникновение, например, орхидей или антропоидов в результате тысяч небольших мутаций» (38). Метафора и язык (если отводить метафоре ключевую роль) не могут быть истинными или ложными. Истины производятся внутри предложений внутри определенного словаря. А любые словари – случайный набор случайных метафор (оказавшихся полезными орудиями в смысле витгенштейновского понимания словаря как орудия) (см. подробнее: 44). Таким образом, «разговор человечества» разворачивается на фоне противостояния, вытеснения, поглощения, взаимообогащения разнообразных словарей (основанных на когда-то изобретенных новых метафорах).

3. Коммуникация включает для Рорти способность выучить новый язык и разговаривать на ранее чужом языке. Рорти связывает отсутствие страданий и свободу от тяжелого труда с возможностью освоения новых языков: «человеческая жизнь... не настолько занята тяжелым трудом, чтобы не иметь досуга для производства самоописания» и освоения новых языков (62). В результате свободной коммуникации способен расширяться смысл возможного и важного (расширение «границы возможного» (179) (здесь можно вспомнить и кибицирование). Рорти постоянно обращается к словарям романистов, поэтов и периферийных маргинальных философов с целью показать важную роль частного (иногда идиосинкразического) языка в развитии публичного поля коммуникации: «поэтический, художественный, научный или политический прогресс оказывается результатом случайного совпадения частной навязчивой идеи с общественной потребностью» (64). Именно частные словари вырабатывают новые и потенциально публично полезные и востребованные способы переописания. Внимание Рорти к поэзии или к периферийным философским словарям мотивированы защитой необходимости и потенциальной общественной полезности существования и поддержания свободы исторически случайных способов говорения и описания мира. Иначе невозможно было бы верить в перспективу «разговора человечества» (в понимании Рорти).

4. Другой контекст «разговора человечества» связан с определенным пониманием либерализма и солидарности. «Самое худшее – быть жестоким».

Быть либералом – значит разделять приведенное убеждение (19). «Неспособность терпимо относиться к реальности страдания» и «преувеличенное чувство жалости» Рорти связывает с принятием исторической случайности и конечности человеческих словарей (198). Благодаря принятию исторической случайности и конечности словарей мы (возможно) не окажемся ограничены «собственным конечным словарем, когда столкнемся с возможностью унижения кого-то с совершенно иным конечным словарем». Тогда единственное основание публичности кроется в «нашей общей способности страдать от унижения». Соответственно, «человеческая солидарность – это не вопрос всеми разделяемой истины... но вопрос разделяемой всеми эгоистической надежды, надежды на то, что мир – маленькие вещи вокруг, которые погрузили нас в свой конечный словарь – не будет разрушен» (см.: 126 и далее).

Разговор открывает и увеличивает возможность человеческой солидарности.

Книга Рорти во многом построена на поэтических и литературных примерах. В III разделе «Жестокость и солидарность» Рорти, в частности, обращается к романам и автобиографии Владимира Набокова. Для Рорти важно следующее: Набоков «в послесловии к «Лолите» отождествил искусство с соприсутствием четырех элементов: «любопытности, нежности, доброты и восторга». И еще: «единственной вещью, которая могла повергнуть Набокова, был страх, что он был или является жестоким (см. подробнее: 200–202). Набоков создает нескольких жестоких и невнимательных персонажей в рамках своего рода литературного исследования границ жестокости. Для Рорти важна связь между отсутствием любопытности и отсутствием нежности. Недостаток любопытности понимается как угроза способности воспринимать чужие словари и потенциальное отсутствие внимания к страданиям другого человека. Прочтение Рорти кажется очень верным. Для примера вспомним отношение Набокова к Чехову. В «Лекциях по русской литературе» Набоков говорит: «Вместо того чтобы сделать из персонажа средство для поучения и добиваться того, что Горькому и любому советскому писателю показалось бы общественной правдой, т.е. выставить его образцом добродетелей (как в пошлом буржуазном рассказе, где герой не может быть плохим человеком, если он любит мать или собаку)... Чехов изображает живого человека, не заботясь о политической назидательности и литературных традициях» [5. С. 351]. Невнимание к политической назидательности или литературным традициям (подавляющим универсальным пошлым словарям) становится условием внимания к живому человеку.

5. Как следствие можно сформулировать альтернативу борьбы за власть (или насаждение власти и подавление свободы) и признания (и принятия) несводимых разнообразных словарей на фоне желания уменьшить страдания и унижения человека.

В итоге Рорти затрагивает сферу политической теории и меняет наше понимание либеральной демократии. Приведем обширную цитату из программной статьи Шанталь Муфф «Витгенштейн, политическая теория и демократия». Муфф пишет [6. С. 156–157]:

Ричард Рорти, предложивший «неопрагматистское» прочтение Витгенштейна, в споре с Апелем и Хабермасом утверждал, что из философии языка невозможно вывести универалистскую моральную философию. С его точки

зрения, в природе языка нет ничего, что могло бы служить основой доказательства превосходства либеральной демократии для всех возможных аудиторий. Он утверждает, что «нам придется отказаться от безнадежной задачи отыскания политически нейтральных посылок, посылок, которые могут быть доказаны любому, из которых выводится обязательность следования демократической политике». Он полагает, что бесполезно рассматривать демократические достижения, как если бы они были связаны с успехами в рациональности, и что нам нужно перестать считать институты либеральных западных обществ решением, которое другие народы обязательно примут, когда они перестанут быть «иррациональными» и станут «современными».

...

Витгенштейнианский подход Рорти весьма полезен для критики притязаний кантиански настроенных философов вроде Хабермаса, которые стремятся отыскать точку зрения, стоящую над политикой, откуда можно было бы гарантировать превосходство либеральной демократии.

Понимание Рорти исторической роли либерализма требует отказа от универсальных принципов и предполагает несоизмеримость и контингентность социальных и политических словарей. Рорти утверждает: «претензия, характерная для либералов... не основана ни на чем... кроме исторических случайностей» (243).

Мы перечислили далеко не все возможные контексты к метафоре «разговора человечества». Однако из приведенных примеров кажется понятным сложность предложенного Рорти переопределения философии.

Вернемся к статье С.А. Смирнова.

«Разговор человечества» часто редуцируется автором до безответственного и бессодержательного просто-разговора. Высказывается странное опасение: «Рорти поступает как типичный журналист: в погоне за провокационной фразой он готов забыть и про содержание». А в отсутствие содержания «разговор редуцируется к сочинению эффектных литературных провокаций». В сторону Рорти сказано и совсем странное: «онтологическую тяжбу заменил на бесконечный разговор. ...вместо философии – интеллектуальные рассуждения в стиле парижских кафе». Одновременно разговору предлагаются (или обозначаются в качестве необходимого философского содержания разговора) как минимум две альтернативы: «вместо тяжбы о бытии – разговор. Вместо философии как строгой мысли – литературное эссе. Вместо философии как ответственного мыследействия – интеллектуальные словопрения» (см. соответственно: [2. С. 197–199]. Метафора «тяжбы о бытии» заставляет вспомнить соответствующий сборник статей А.В. Ахутина [7]. И, наверное, вполне возможно допустить противопоставление «онтологической тяжбы» или даже методологическое «ответственное мыследействие» «разговору человечества» (но противопоставление в статье не развернуто).

Однако больше всего удивляет невероятное сравнение Рорти с «интеллектуальными рассуждениями в стиле парижских кафе» и с «эффектными литературными провокациями» («сплошные провокативные выходки интеллектуала-перебежчика» [2. С. 197]). Есть и такое сравнение: «философ становится таким капитаном корабля без руля и без ветрил... Этаким интеллектуальный бомж, без дома, без семьи, без детей и внуков, т.е. без традиций, без устоев, не могущий никак бросить якорь в родной гавани» [Там же. С. 197–198].

Сергей Алевтинович постоянно возвращается к бессодержательности разговора Рорти («Приведенные выше характеристики «другой философии» Рорти выглядят именно как не имеющая своего содержания вывеска» (см. подробнее: [2. С. 198–199])) и будто бы не различает отсутствие содержания и открытость к неожиданным и небывалым новым содержаниям. Из основной части моей ответной реплики (где подробно разбирается работа «Случайность, ирония и солидарность») мне кажется очевидной нерелевантность подобных сравнений и оценок.

Против контингентности «разговора человечества» естественно предложить какие-то универсальные конструкции. И неприятие «разговора человечества» (в понимании Рорти) должно естественно приводить к какому-то унифицированному (пусть и не поддающемуся библиотечной каталогизации) предмету или содержанию философии. Для Рорти ничто «не открывает природы пред-данного сущего по имени «философия» или «истина» (42). Напротив: С.А. Смирнов предлагает «ключевой критерий философии (философия как мысль о бытии человека...)» (см.: [2. С. 197]). Так продолжается намеченный Рорти конфликт между контингентностью и поиском универсальных ответов (или универсальных путей-топосов мысли). Однако при упоминании «бытия человека» невольно вспоминаются слова Хайдеггера из «Письма о гуманизме»: «Мысль, если сказать просто, есть мышление бытия» [8. С. 194]. Можно задать риторический вопрос: думал ли Хайдеггер о бытии (и об исключительной открытости просвета бытия человеку как экзистирующему и выступающему в ничто сущему) или о бытии **человека**... Однако в рамках темы «разговора человечества» интересно другое: понимание Хайдеггером философии расходится с пониманием философии Рорти – но и не согласуется (так мне кажется) с «ключевым критерием философии» С.А. Смирнова.

Список источников

1. Целищева О.И. Ричард Рорти: «маргинальный аналитический философ». М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2021.
2. Смирнов С.А. Топос философа, или Еще раз о философском самоопределении // Вестник ТГУ. Философия. Политология. Социология. 2022. № 69. С. 187–202.
3. Рорти Р. Философия и зеркало природы. Новосибирск: Изд-во Новосибирского университета, 1997.
4. Рорти Р. Случайность, ирония и солидарность. М.: Русское феноменологическое общество, 1996.
5. Набоков Владимир. Лекции по русской литературе. СПб.: Издательская Группа «Азбука-классика», 2010.
6. Муфф Ш. Витгенштейн, политическая теория и демократия // Логос. 2003. № 4–5 (39). С. 153–165.
7. Ахутин А.В. Тяжба о бытии. М.: Русское феноменологическое общество, 1996.
8. Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления. М.: Республика, 1993.

References

1. Tselishcheva, O.I. (2021) *Richard Rorty: "marginal'nyy analiticheskiy filosof"* [Richard Rorty: "Marginal Analytical Philosopher"]. Moscow: Kanon+ ROOI "Reabilitatsiya."
2. Smirnov, S.A. (2022) *Topos filosofa ili eshche raz o filosofskom samoopredelenii* [Topos of a Philosopher or Once Again About Philosophical Self-Determination]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 69. pp. 187–202.
3. Rorty, R. (1997) *Filosofiya i zerkalo prirody* [Philosophy and Mirror of Nature]. Translated from English by V.V. Tselishchev. Novosibirsk: Novosibirsk State University.

4. Rorty, R. (1996) *Sluchaynost', ironiya i solidarnost'* [Contingency, Irony, and Solidarity]. Translated from English. Moscow: Russkoe fenomenologicheskoe obshchestvo.
5. Nabokov, V. (2010) *Leksii po russkoy literature* [Lectures on Russian Literature]. St. Petersburg: Azbuka-klassika.
6. Mouffe, Ch. (2003) *Vitgenshteyn, politicheskaya teoriya i demokratiya* [Wittgenstein, political theory and democracy]. *Logos*. 4-5(39). pp. 153–165.
7. Akhutin, A.B. (1996) *Tyazhba o bytii* [Lawsuit of Being] Moscow: Russkoe fenomenologicheskoe obshchestvo.
8. Heidegger, M. (1993) *Vremya i bytie: stat'i i vystupleniya* [Time and Being: articles and speeches]. Translated from German. Moscow: Respublika.

Сведения об авторе:

Родин К.А. – кандидат философских наук, старший научный сотрудник, отдел философии Института философии и права СО РАН (Новосибирск, Россия). E-mail: rodin.kir@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Rodin K.A. – Cand. Sci. (Philosophy), senior research fellow, Department of Philosophy, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: rodin.kir@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 15.08.2022;
одобрена после рецензирования 10.09.2022; принята к публикации 27.10.2022
The article was submitted 15.08.2022;
approved after reviewing 10.09.2022; accepted for publication 27.10.2022*